

ВИКТОР БУРЛАЧУК,

старший научный сотрудник отдела истории, теории и методологии социологии Института социологии НАН Украины

Судьба авторитета в современном мире

Abstract

The establishment of democratic power institutions has caused the substitution of anonymous kind of power for that of totalitarianism. Studying crisis as a process of the established world order disintegration sets the task of elucidating the effect of the social mechanisms which participate in preserving the social reality and prevents its complete disorientation. Authority, as well as tradition, should be used to curb the elemental forces which have gone out of the social control, and offer an individual a set of values, emotional orientations, rules and standards of behavior which can become the means of achieving social peace.

Ж.-Ф.Лиотар, описывая ситуацию постмодерна, отмечает освобождение современного общества от традиционных авторитетов. Однако по-прежнему остается вопрос: *кто* имеет право решать за все общество? *Кто* является субъектом, чьи предписания служат нормами для тех, кого они обязывают?

Обращение к исследованию авторитета становится особенно актуальным, когда в потрясенном социальными изменениями обществе ослабевают и нарушаются социальные связи, когда механизмы повиновения и подчинения выходят из-под контроля.

“Когда иллюзии утрачиваются, слабеют, — пишет С.Московичи, — человеческие общности вместе со своими верованиями приходят в упадок, они мертвеют и опустошаются, утратив самое существенное, как тело, лишённое крови.

Люди больше не знают, за кем следовать, кому подчиняться, во имя кого жертвовать собой. Ничто и никто больше их не обязывает к дисциплине, необходимой для цивилизованного труда, ничто и никто не питает их энтузиазма или страсти. Мир восторгов, мир преданности оказывается опустевшим. И тогда обнаруживаются признаки паники. Страшит возвращение к

мертвому безразличию камней пустыни, в современном варианте, Государства. Никто никому там больше не друг и не враг. Практически исчезли границы группы или города. Место народа занимает аморфная совокупность индивидов” [1].

Было бы ошибкой функцию авторитета сводить только к обеспечению институтов власти. И хотя социологические словари определяют авторитет как определенную форму осуществления власти, основанную на общепризнанном влиянии какого-нибудь лица или социального института, влияние авторитета можно проследить во всей системе общественных отношений. Трудно представить существование воспитания, образования, науки, искусства, религии, различных типов социальных связей вне тех или иных способов воздействия авторитета и авторитетов.

Когда мы понимаем кризис как процесс распада сложившегося порядка мира, как разрыв с прежними социальными идеалами, как эрозию символических структур, значений и смыслов, мы в то же время пытаемся выяснить действие тех социальных механизмов, которые участвуют в сохранении и поддержании социальной реальности, препятствуют ее полному распаду на отдельные фрагменты и потерявшие социальную ориентацию действия.

Авторитет, как и традиция, призван внести смысл, упорядочить вышедшие из-под социального контроля стихийные силы. Он должен предложить индивиду набор ценностей, ориентаций, правил и норм поведения, которые способны служить средствами конституирования социального мира.

В данной статье мы рассматриваем понятие авторитета в контексте развития европейской культуры. Х.Арендт в эссе “Что такое авторитет?” (1957) усматривает его истоки в римской цивилизации. В отличие от греков, которым, по мнению Арендт, не удалось обосновать принцип авторитета (идея авторитета оказалась трансцендентной относительно реалий земной власти), римляне думали и действовали под знаком авторитета. Авторитет для них означал энергию основания Города, поэтому главная составляющая авторитета — это идея основания (основания в смысле заложения основ совместной жизни города, государства).

Не вдаваясь в детали концепции авторитета, предложенной Х.Арендт, отметим, что ее понимание авторитета, в основном связанное с его функцией атрибута социального института, ограничивается отношением с “институциональной властью-могуществом”. Для преходящего и скоротечного характера действия и власти авторитет необходим, чтобы обеспечить им длительность и постепенность.

Мы исходим из другой модели авторитета. Для нас авторитет — это христианская идея, а эпоха Средневековья — пора его подлинного расцвета. Появление авторитета как историко-культурного феномена обусловлено особым типом истины и связанным с ним способом осуществления власти. Первоначальное значение понятия авторитет (*auctoritas*) определялось как “суждение”, “мнение”. Суждение не только располагается в пространстве “истины” и “лжи”, но и несет в себе энергию власти. “Быть сильным — значит уметь до конца договаривать фразы”, — однажды заметил Р.Барт.

Истина Откровения как тип истины, исповедуемый христианством, с одной стороны, предполагала абсолютный внеличный характер, с другой — уникальную пластичность, дающую ей возможность участвовать в различного рода социальных практиках: воспитании, образовании, управлении, лечении, Спасении.

С концепцией Спасения связано особое положение авторитета. Коль скоро Спасение (универсальная цель человеческой жизни) не является результатом индивидуального действия, коль скоро оно не достижимо в силу личного участия человека, а представляет собой милость Божью, то вся система отношений средневекового общества строится вокруг человека (святой, пророк, король-чудотворец) или социального института, располагающего благодатью как средством, обеспечивающим Спасение.

Из борьбы за право распоряжаться благодатью вырастают два образа власти средневекового общества: король и священник. Один обладает властью (*potestas*), другой — авторитетом (*auctoritas*). Когда эти два принципа власти пересекаются, возникает особый тип власти, власть харизмы, образцовый тип власти для Средневековья.

Критика религиозных идей Средневековья идеологами Просвещения привела к переориентации подвижных отношений власти, определявших судьбу авторитета в Средневековье, в рамках которой практика ссылок на авторитеты была основой всей духовной и интеллектуальной жизни, и высшим авторитетом обладал текст Священного Писания.

Изменение в способе функционирования авторитета связано с началом Нового времени и с появлением и утверждением нового человека. Человек Нового времени освобождает себя от авторитета библейско-христианской Истины Откровения и церковного учения. Он стремится исходить лишь из им самим устанавливаемого основания истины, полагаться на им самим найденное и обеспеченное основание истины, основание — которым, по сути, является он сам. Так человек становится субъектом в современном смысле этого слова, а авторитет лишается своей сакральной составляющей.

Тем не менее, именно Средневековью мы обязаны двумя основными типами отношений между властью и авторитетом. Первый тип отношений характеризует борьбу между институциональным авторитетом и личностным. Например, должен ли посредник между человеком и Богом обладать особым даром (личностный авторитет) или им может быть простой священнослужитель (институциональный авторитет). Этот тип отношений в дальнейшем дает о себе знать в противостоянии церкви — пророку, партии — лидеру, массы — вождю.

Другой тип отношений, который определял в Средневековье противостояние светской и духовной власти, оживает в критическом дискурсе журналиста, писателя, ученого. Интеллигент, публично критикующий власть, наследует свою позицию от монаха, пишущего наставления королю.

Основные функции авторитета

В различные периоды европейской истории авторитет менял свои формы: авторитет Священного Писания сменялся авторитетом разума, авторитет власти — авторитетом общественного мнения, однако, несмотря на все различия социальных систем, государственных устройств, некоторые функции авторитета оставались неизменными.

1. Профетическая функция авторитета появляется там, где общество переживает острый мировоззренческий кризис, там, где появляется потребность в новой вере, в новой системе ценностей. Пророк всегда противопоставит устоявшейся системе ценностей и посредством “актуальной эмоциональной проповеди” (М.Вебер) стремится утвердить новое представление о мире.

Пророк, как правило, обладает харизмой, дающей ему силу взорвать фундамент устоявшихся традиций и ценностей. Пророчество как социальный институт предшествует появлению христианства, исчезает в связи с его установлением и появляется вновь, когда возникает потребность в его реформировании. С энергией ветхозаветных пророков Лютер утверждает постулат обновленной христианской церкви о спасении силою “одной только веры”.

Когда религию сменила идеология, а религиозная идея превратилась в социальную, пророческая функция перешла от религиозных подвижников к социальным реформаторам. Авторитет предстает здесь в виде личности, одержимой идеей, которую проповедают ради нее самой, а не ради вознаграждения.

Носителей личного авторитета, в отличие от институционального, характеризует особый способ взаимоотношения с истиной (религиозной или социальной): истина не достигается или приобретает, а переживается. Такой характер истины дает право на осуществление особой миссии, которая не санкционирована кем-то, а узурпирована. Лютер, работая над комментариями к Псалмам, задерживает свой взгляд на давно известном месте, которое действует на него “как удар кулака”. Он чувствует, что полностью изменился, родился заново и вступил в рай. Так появилась главная идея реформаторского учения.

Подобный “удар кулаком” пережил и молодой Гитлер, когда, столкнувшись на улицах Вены с евреем, увидел “подлинный” источник решения социальных проблем в борьбе рас.

В своей пророческой функции авторитет выступает в качестве носителя определенной идеологии. Пророк, учитель, журналист, вождь (все они в той или иной форме представляют авторитет), преисполненные новыми идеями или возрожденным пониманием древней мудрости, собирают вокруг себя учеников, апостолов, поклонников, единомышленников, сторонников. Они раздают советы, рекомендации, программы, поучения, которые охватывают большой спектр лиц: от домохозяек до политических лидеров.

Религиозная истина, дарующая Спасение и обретаемая в силу лично пережитого Откровения, в современных пророчествах вырождается в форму социальной идеи, осуществление которой способно радикально решить проблемы класса, нации, государства, общества в целом.

Какой бы характер ни принимали “откровения” того или иного носителя авторитета, будь то этический или политический, идеология авторитета во всех его видах означает прежде всего — и для него самого, и для его сторонников — единое видение жизни. Жизнь и мир приобретают благодаря этому единый смысл; поведение людей должно быть ориентировано на него и, таким образом, также обрести единый смысл. Структура такого рода “смысла” весьма разнообразна, в нем могут быть соединены в некий конгломерат представления, представляющиеся логически разнородными.

2. Верификационная функция авторитета связана с правом решать: “что верно, а что нет”. Это право покоится на онтологической вере в истину. В Средние века господство авторитета зиждилось на обязанности провозглашенной церковным учением Истины Откровения. Способом достижения истины о мире, был не эксперимент, не исследование, а Откровение и его толкование отцами Церкви. Истина сводилась к доктрине, а проверка, применение или опровержение тех или иных мнений — к соотношению с церковным учением.

Средневековый автор текста, на которого падал отблеск божественного авторитета, отождествлялся со всей полнотой истины. Когда историческая критика поставила под сомнение справедливость такого суждения и место одного автора освободила для множества других, тогда было положено начало отделению автора от истины.

Для Средневековья не опыт, а автор был свидетелем истинности текста, поскольку истина была Истиной Спасения, знанием, непосредственно включенным в моральную практику человека. Истинность текста определялась по его принадлежности. Атрибутирование текста некоему автору выступало свидетельством истинности данного текста.

Отделение автора от истины, введение новых критериев истины создало условия для переоценки сакрального дискурса, для лишения его властных полномочий. Истина лишается непосредственной связи с автором (она приобретает объективный характер: при наличии определенной квалификации ею может овладеть любой человек), а потребность в авторе возникает тогда, когда надо дать имя теореме, эффекту, примеру, синдрому. Имя автора теперь связывается только с функционированием литературного дискурса: "...всем этим рассказам, поэмам, драмам и комедиям в Средние века было дозволено циркулировать анонимно, до известной степени, по крайней мере. И вот теперь вдруг у них спрашивают и требуют у них ответа, откуда они взялись, кто их написал" [2, с.63].

В том, что автор выступает теперь не в качестве маркера истинности текста, а как творец, создатель, человек, наделенный уникальными способностями, заключается принципиальное отличие в понимании истины в Средневековье и в Новое время. Автор — это уже не тот, кому открывается истина, через чье свидетельство истина являет себя. Автор — это художник, индивидуальность, выдающийся одиночка. С такой характеристикой автора связана, в частности, романтическая концепция человека как *гения*, осуществляющего миссию открытия и покорения мира.

Автор перестает быть носителем истины, становясь носителем вымысла, а вымысел приравнивается к творчеству. Мир идеального, которого не знало Средневековье, противостоит принципу реальности и несет в себе особую угрозу для власти. Известно, что все идеи по социальному реформированию общества сначала располагаются в некотором вымышленном пространстве — "утопии". Оттуда, из этого воображаемого места приходят в мир все коммунистические проекты.

Научное знание с экспериментальными формами проверки истины начинает доминировать в общественном сознании Нового времени: в лице научных сообществ, библиотек, педагогики оно получает институциональную поддержку. На естественнонаучную истину ориентируется даже художественная литература, которая в своей романной форме пытается воспроизвести некоторые черты научного дискурса.

Научная форма истины изменила, но не ликвидировала сам статус авторитетного суждения: оно просто поменяло свои основания. Истину Священного Писания заменила истина наблюдения и эксперимента.

Однако связь истины и знания вскоре была поставлена под сомнение. Первое подозрение в самом праве истины на существование высказал Ф.Ницше, когда в самом понятии истины увидел ценностную форму, производную от морального предрассудка. Истина превращается в волю к истине, в притязание на власть (принцип господства), в функцию воли к власти.

В современной ситуации тождество понятий истина и наука перестало быть само собой разумеющимся. Высказывание, для того чтобы быть научным, должно удовлетворять некоторой совокупности условий. Прежде всего, целью научного знания становится не истина, а эффективность. “Ученых, техников и аппаратуру покупают не для того, чтобы познать истину, но чтобы увеличить производительность” [3, с.112].

3. Легитимационная функция. Авторитет, с одной стороны, является основным носителем легитимации, с другой — сам нуждается в ней. Его функция легитимации заключается в том, что он носитель “метарассказов” (Лиотар) — о “великом герое”, “великих опасностях”, “великих кругосветных плаваниях” и “великой цели”.

Главной составляющей легитимности является коллективная вера. Как отмечал Ю.Хабермас, легитимность политического порядка измеряется *верой* в него тех, кто подчинен его господству. Во время коронавания французского короля прелат обращался к суверену со словами: “Прими меч сей”. Этот жест, наделяющий суверена силой оружия, был актом легитимации королевской власти посредством авторитета католической церкви. Сам этот акт предполагает, по крайней мере, два объекта веры: веру в легитимность христианской церкви и веру в то, что она способна сделать легитимной другую власть. Значимость данного акта скрывается в феномене коллективной веры, которая является последним основанием как легитимности, так и авторитета.

Легитимность современной демократической власти покоится на вере в акт инаугурации президента, когда текст конституции, на котором лежит рука президента, своим авторитетом освящает его власть. Церемонии, шествия, собрания, праздники как акты коллективной веры призваны непрерывно подтверждать легитимность существующей власти.

Вместе с тем, завоевать авторитет, значит апеллировать к основанию, которое опять-таки лежит в глубине коллективной веры.

Иисус основывал свою легитимацию и свои притязания на том, что Он — и только Он — знает Отца, что только вера в Него есть путь к Богу, Ленин основывал свою легитимацию на том, что только он и его партия знают марксизм и являются подлинными марксистами.

Коллективная вера, дополняющая в различных пропорциях внешнее насилие, — вот формула легитимности. Ни чисто аффективные, ни чисто ценностно-рациональные мотивы не могут создать надежные основы господства, решающим фактором остается вера.

4. Институциональная функция. Как только у харизматического лидера, пророка, социального реформатора появляются последователи и это становится практикой реальной жизни, начинается процесс институционализации авторитета. Этот процесс можно сравнить со своеобразным “образованием пантеона богов”, наделением их определенными атрибутами и разграничением компетенций, распределением “Божественной благодати”. То есть появляются приближенные вождя, его ученики или апостолы, разного ранга последователи и специалисты по его учению — крупные, средние, мелкие. Каждому из них принадлежит определенное количество харизматической благодати, соответствующее его рангу.

Перед ними ставится задача оказывать непосредственное систематическое воздействие на повседневную жизнь рядового человека. Такое воздействие институционализируется в школах, в любых других учебных заве-

дениях, которые, в свою очередь, подчиняются организациям, их контролирующим и разрабатывающим для них программы. Наконец, создается специальный институт для воплощения идей харизматического лидера. Образцом такого института может служить партия или церковь. Именно перед ними стоит задача привнести в повседневность содержание “пророческих проповедей”.

Повсюду, где союз или общность выступают не как личная сфера власти отдельного лица, а как “подлинный союз”, происходит наделение авторитета символическими функциями, с тем чтобы упростить процесс групповой самоидентификации (легче идентифицироваться со знаком, символом, идеей, чем с реальным человеком, обладающим всей полнотой достоинств и недостатков). Церковь идентифицируется с богом, партия — с вождем.

Одним из способов институционализации авторитета является культ. По сути дела, культ означает образование регулярно действующего, организованного предприятия по оказанию влияния на авторитет. Причем под влиянием может пониматься как право интерпретации тех или иных положений авторитета, так и право обращаться к нему с непосредственными просьбами. Культ предполагает избирательность доступа к вождю, благодаря наличию функционеров, в компетенцию коих входит почитание авторитета.

Такое понимание культа выходит за рамки широко распространенного мнения о нем как форме почитания и воздействия религиозного или светского авторитета. Культ — это также (если не прежде всего) способ воздействия на авторитет, это определенная уловка, посредством которой функционер, лицо непосредственно вовлеченное в осуществление культа, оканчивая воздействие на носителя авторитета, реализует свою власть. Основная цель лиц, окружающих вождя, — определение каналов влияния на него. Культ как раз и является формой осуществления этого влияния.

Несмотря на наличие культа, авторитет должен неустанно доказывать свою силу, непрерывно подтверждать себя. Достаточно нескольких крупных разочарований, чтобы храм опустел навеки. Власть покоится на оправдавшихся предсказаниях, успешном излечении, ценных советах. Если пророчество успешно, пророк находит постоянных помощников, если политическая акция удалась, вождь находит себе единомышленников, если сражение выиграно, полководец находит новых солдат.

5. Прогностическая функция. Ни одно общество не может существовать без предвосхищения будущего. Это необходимо для того, чтобы строить дома и дороги, принимать хозяйственные решения и предпринимать политические акции и т.п. Подобные задачи решают по-разному: то ли пользуясь предсказаниями оракулов, то ли доверяя интуиции, то ли непосредственно на основании опыта.

Прорицание всегда было эффективным способом подтверждения харизмы и авторитета. Оно было включено непосредственно в текст Священного Писания и подчинено практике Спасения. Прогностическая функция составляла стержень идеологии марксизма, в которой построение бесклассового общества трактовалось одновременно как цель и как прогноз. “Патент” на знание будущего наделяет субъекта такого знания огромной властью. “Там, где священнослужители сумели захватить в свои руки толкование предсказаний оракулов и Божьей воли, их власть была длительное время преобладающей” [4]. Общественное мнение до сих пор видит в современных политиках жрецов будущего. Чтобы убедиться в этом, достаточно

посмотреть любое газетное интервью, где все наши вопросы к любому политическому лицу так или иначе касаются ближайшего и отдаленного будущего.

Прорицание основывается на признании определенного порядка (например, у эллинов предполагалось наличие безличной универсальной силы, стоящей над богами) и предстает в истории культуры в различных ипостасях. В десекуляризованном мире оно вполне может выступать в качестве научного прогноза или плана. Отголоски прогностической функции авторитета сохраняются в институте экспертов, в футурологии и фантастической литературе.

6. Нарративная функция. Как отмечал М.Фуко, существование общества предполагает наличие в нем целого ряда особо важных повествований. Эти повествования повторяются, пересказываются, варьируют. Предполагается, что в этих своеобразных “ритуализованных ансамблях дискурсов” содержится исток и тайна данного общества, его первоосновы и первоначала. “Есть дискурсы, которые... бесконечно *сказываются*, являются уже сказанными и должны быть еще сказаны” [2, с.60].

В разных культурах роль такого дискурса может выполнять или Библия, или Коран, или Манифест Коммунистической партии, или “Майн Кампф”. Такой дискурс представляет знаковое воплощение авторитета, его семантическую составляющую.

Авторитет для утверждения своего господства должен провести границу между текстом, признанным в качестве священного, и текстом, не признанным таковым, и внушить это всем и каждому. В любой своей форме авторитет инициирует появление “канонических книг” и “догматов”.

В современной культуре функцию “канонических книг” выполняют слова, тиражируемые средствами массовой информации. “Дискурсом, который бесконечно сказывается”, оказывается не Библия или труды классиков марксизма, а язык рекламы, непрерывно воспроизводимый средствами массовой информации. Тем самым в культуре репродуцируется уже не текст, а фраза.

Отсутствие “изначального дискурса” резко изменяет место и значение комментария в культуре. Нет необходимости в комментарии, потому что отсутствует первичный текст. Так, в области политики “конституция” отнюдь не обладает статусом первичного текста (хотя день конституции провозглашается для того, чтобы придать тексту “сакральный” смысл); этот текст можно изменять, совершенствовать, он может подвергаться перманентной критике.

7. Функция табу. Одним из проявлений харизмы авторитета является превращение человека или вещи в табу для других. В обществе табуируются идеи, формы поведения, социальные группы, социальные институты. В советском обществе табуировались буржуазная идеология, “асоциальные” формы поведения (пьянство, проституция, наркомания), в фашистском рейхе — евреи, марксизм и т.п.

Запрет — современная форма табу. Нарушение запрета должно не просто приводить к правовым санкциям, оно должно вызывать чувство вины. Нормативная система, основанная на табуирующей функции авторитета, как правило, иррациональна, поскольку проступок против существующей религии или идеологии не может быть рационально определен как проступок.

Поэтому здесь важное место занимает опять же вера. Вера не может существовать в перманентном обсуждении норм и ценностей, служащих

фундаментом верования. Вера в согласие опирается на отказ от дискуссии, запрет на критику. Определенные убеждения и правила жизни выделяются в особую группу и ставятся над всеми другими. Например, можно спорить о лучшей избирательной системе, но сам принцип выборов остается неприкосновенным. Запрещенное для критики не надо доказывать, равно как нельзя опровергать. Сомнение должно быть изъято из любой моральной доктрины. “Любой, кто робко пытается поставить под вопрос неоспоримое, встречает самое свирепое озлобление. Посмотрите, с какой быстротой церкви или партии отлучают за малейшее диссидентство и даже за спор, и вы поймете, о чем идет речь” [5, с.286]. Запрет на критику — отнюдь не достояние древней истории. Повсюду и всегда он обнаруживает существование легитимности и гарантирует ее. Ибо он ставит выше сомнения и возражения те верования и практику, которые необходимы для господства.

Внедренный в каждое сознание, запрет вытесняет сомнения и утверждает уверенность и определенность. Ибо власть, которую оспаривают и противоречиво интерпретируют, — уже не власть.

Всякая система запрета предполагает наличие строго биполярного поля: “священного” и “профанного”, “законного” и “незаконного”, “благоговейного” и “богохульственного”. Табуирование возможно только до тех пор, пока граница между ними и нарушение этой границы не утратили своей значимости. Исчезновение границы, разделяющей “священное” и “профанное”, “законное” и “незаконное”, “благоговейное” и “богохульное”, — симптом утраты авторитетом своей власти.

Изменение функций авторитета в контексте культуры

В истории европейской культуры мы выделяем три последовательно эволюционировавших типа авторитета. *Первый тип* появляется в средневековом обществе и связан с особенностями христианской религии Спасения, авторитетом Священного Писания и церкви с ее учительской миссией.

Второй тип авторитета упраздняет авторитет Бога, замещает его авторитетом разума, цель вечного блаженства превращает в идею земного счастья для большинства, бегство от мира заменяет историческим прогрессом, а творческое начало, исключительную черту библейского Бога, делает свойством человека.

Становление этого типа авторитета в Новое время сопровождалось его интериоризацией, переходом от внешнего авторитета к внутреннему (ярким примером может послужить этическая философия И.Канта). Внешний авторитет, воплощенный в каком-либо лице или институте, подменяется внутренним (власть долга, совести или “суперэго”).

Третий тип авторитета, который характеризует современное общество, ставит под сомнение уже само понятие субъекта как творческой автономной субстанции, подчиняющейся внутренним принципам: разуму, воле, совести. Появляется субъект без лица, а точнее говоря, со множеством лиц. Именно этим объясняется особый статус актера в современном обществе.

Появление подобного субъекта — то есть, по сути, исчезновение субъекта — фиксируется в различных культурных формах. Особенно ярко такая ситуация проявляется в изменении социального восприятия художественного текста. В 1968 году Р.Барт опубликовал небольшую заметку под названием “Смерть автора”, ставшую манифестом современного структура-

лизма. В ней, на основе данных современной лингвистики, доказывается, что текст представляет собой многомерное пространство, в котором спорят различные виды письма; он соткан из тысячи цитат. В нем нельзя увидеть только один определенный смысл, единый авторский замысел; присвоить текст автору — значит лишить его всего многообразия смыслов, наделить его окончательным значением. Если что-то рассказывается ради самого рассказа, считает Р.Барт, не имея прагматической цели воздействия на действительность, тогда “голос отрывается от своего источника”, для автора наступает смерть.

М.Фуко увидел в этой ситуации социальный подтекст. Исчезновение автора как творца текста стало возможным благодаря тому, что он перестал быть фигурой, способной противостоять власти (отмеченное Р.Бартом отсутствие в рассказе прямого воздействия на действительность). Текст перестал быть предметом специального интереса власти, *его перестали бояться*.

Безразличие к автору наглядно демонстрируют современные средства массовой информации. Подписанная газетная статья по своему функциональному значению не отсылает к автору. Автор сливается с самим заголовком и выполняет тождественную функцию, функцию различения.

Особым образом на факт исчезновения субъекта реагирует философское знание, стремясь пересмотреть свои предпосылки. Традиционно для философии субъект в ипостаси чистого разума выступал творцом идей, носителем априорных основоположений, саморефлектирующим основанием научного знания.

Если субъект утрачивает былое место в культурном универсуме, если он перестает быть основной инстанцией, которая отвечает за волеизъявление, то это означает, что должен измениться и сам метод философствования — метод, опирающийся на *трансцендентальную субъективность*. На смену понятию субъекта в феноменологии приходит идея интересубъективности, в качестве главной инстанции конституирования объекта. В работах позднего Гуссерля осуществляется переход от сознания и субъективности к понятию жизни, он разрабатывает понятие *анонимной* интенциональности.

Это недоверие к субъекту охватывает также комплекс психологических наук: в психоанализе вводится понятие “коллективного бессознательного”, в социальной психологии — “мышление” толпы.

Ярким примером переосмысления методологических оснований, связанного с изменением положения трансцендентального субъекта, может служить философская позиция М.Фуко. Место субъекта познания, который изобретает или вырабатывает ту или иную дискурсивную практику, занимает “анонимная” и “полиморфная” воля к знанию.

Наличие трансцендентального субъекта предполагает противоположности внешнего и внутреннего и связанную с этим проблему выражения. Такая противоположность характеризует историческое описание (в частности, историю идей), которое пронизано оппозицией внешнего и внутреннего и следует задаче постоянного возвращения от внешнего к внутреннему, к некоторому “сущностному ядру”. Историческое описание стремится, отбросив внешнее, выявить некоторый скрытый внутренний смысл, замысел, место пребывания истины, субъекта и авторитета. Ему ставится задача “продельвать в обратном направлении работу выражения”, раскрывая в сказанном скрытое там тайное и глубинное, и тем самым “высвобождая ядро основополагающей субъективности”. Такому историческому описанию противопоставляется иного рода история, которую Фуко называет *археологией*.

“Я не занимаюсь разысканием этого торжественного начального момента, исходя из которого оказалась возможной, скажем, вся западная математика. Я не восхожу к Евклиду и Пифагору (скрытая полемика с Гуссерлем, в частности с его работой “Происхождение геометрии”. — В.Б.). Я всегда ищу начала относительные — скорее установления или трансформации, нежели основания” [6]. Фуко предлагает анализ внешнего (анализ дискурса в его явленном существовании в качестве подчиняющейся правилам практики), которое не отсылает ни к какой форме внутреннего.

Итак, согласно Фуко, оказывается, что суждение типа “я говорю” лишено смысла. Его присутствие в языке стало атавизмом, не перестающим демонстрировать “смерть” автора. Ведь *говорить* — значит следовать определенным языковым практикам, которые, в свою очередь, подчиняются правилам (образования, существования и сосуществования), согласуются с системами функционирования и т.п.

“Я говорю” предполагает, что существует некая трансцендентальная истина, коррелирует трансцендентального субъекта. “Я говорю” означает, что я пытаюсь высказать нечто личное, внутреннее ядро своего переживания. Однако на самом деле речь идет об определенной языковой игре, задающей правила образования дискурса, а само “я” различно в различных языковых практиках, которые полиморфны и анонимны.

“Недостаточно повторять, что автор исчез, — пишет Фуко. — Точно так же, как недостаточно без конца повторять, что Бог и человек умерли одной смертью. То, что действительно следовало бы сделать, так это определить пространство, которое вследствие исчезновения автора оказывается пустым, окинуть взглядом распределение лакун и разломов и выследить те места и функции, которые этим исчезновением обнаруживаются” [7]. Заметим, что эта мысль Фуко коррелирует с мыслью Хайдеггера о пустом месте, оставшемся после смерти Бога.

“Определить пространство”, которое вследствие исчезновения автора оказывается пустым, выяснить те свободные места и функции, которые этим исчезновением обнаруживаются — это значит определить место и функции авторитета.

Пространство, оставшееся после смерти Бога, — это пространство сверхчувственного. Утверждение новоевропейской субъективности, как мы уже отмечали выше, было связано с попыткой субъекта захватить это пространство, присвоить себе творческие функции Бога. Этот процесс сопровождался заменой старых ценностей новыми при сохранении самого места сверхчувственного.

По характеристике Хайдеггера — это состояние неполного нигилизма. Полный нигилизм устраняет и само сверхчувственное как область, в которой располагаются ценности. Стадия, на которой в настоящее время пребывает авторитет, как говорилось в связи с анализом функции авторитета, характеризуется исчезновением мира сверхчувственного.

Авторитет занимал определенное место в ценностной иерархии общества. Своеобразие этого места состояло в том, что отсюда, как с горной вершины, можно было охватить взором и осмыслить всю жизнь общества в целом. Отсюда открывалась перспектива репрезентации целого как целого.

В современном полифункциональном обществе нет ни “центра”, ни “вершины”, находясь на которой можно было бы репрезентировать все

общество во всем его многообразии. Нет того единства, что сообщает порядок всему иному.

Однако идея “особого места” достаточно живуча. Так, К. Манхейм полагал, что в современном функционально рационализированном обществе существуют лица, которых он называл “организаторами” и которые обладают способностью наперед продумывать ряд социально значимых действий, что гарантирует им ключевое положение в обществе. Такое ключевое положение в обществе дает “организатору” ясное видение положения дел, в то время как у простого обывателя способность видения и понимания социальных проблем постепенно минимизируется. “В современном обществе существует не только упомянутая концентрация средств производства в руках уменьшающихся в своем числе немногих, но и сокращение, раньше лишь намечавшееся, теперь же ставшее понятным из анализа происходящих в обществе процессов, — тех позиций, с которых ясно видны важные общественные связи” [8].

Представление о том, что в обществе существует особое ключевое положение, специальный “наблюдательный пункт”, с которого становятся видны все проблемы общества и тенденции его развития, с которого можно представить общество как целое, на наш взгляд, является своеобразной реанимацией авторитета.

Современное общество описывается разнообразными, конкурирующими друг с другом репрезентациями. За ними стоят различные социальные силы, стремящиеся навязать всем свое видение социальных проблем. Такие функциональные системы, как хозяйство, политика, воспитание, религия и искусство, производят каждая свое описание общества, в котором доминирует данная система. Однако ни одна из них в конечном счете не способна навязать свое описание другим функциональным системам.

Харизма, авторитет и средства массовой информации

Средства массовой информации открывают бесконечные возможности репродуцирования *политического тела*, его *тиражированного присутствия*: на уличной афише, в газете, на экране телевизора. Они как бы демонстрируют реализацию теологической метафоры вездесущести. Предполагается, что чем больше будет напечатано листовок, чем чаще тот или иной политик появится на экране телевизора, мелькнет с обложки журнала, тем успешнее окажется политическая акция, связанная с его именем.

Мы присутствуем при уникальной операции, совершаемой средствами массовой информации, они превращают физическое тело в образ, символ, представление. Физическая субстанция испаряется, и ее место занимает репродуцируемое бытие знака. Отношение между отображаемым и репродуцируемым средствами массовой информации образом нельзя мыслить в терминах сходства и различия. Изобразительный знак, создаваемый средствами массовой информации, отнюдь не является отображением. Эффективность средств массовой информации заключается в том, что, используя фото-телеобраз, они пытаются убедить нас в том, что мы имеем дело только с отображением, единственная функция которого служить идентификации. В действительности же изображение не идентично изображаемому и приобретает собственную реальность.

Применительно к сфере политических отношений сказанное означает, что реальность власти замещается властью представления. Власть принадлежит не конкретному физическому лицу или группе лиц, а представлению о них, созданному средствами массовой информации. Ограниченность такого типа власти заключается в ее неспособности выйти из виртуальной реальности представления и предпринять экстраординарные действия.

Политик, изъятый из сферы своего непосредственного воздействия, прямого контакта с массами, лишается уникальности своей личностной ауры, специфически человеческого способа воздействия. Он не может претендовать на статус харизматического лидера, пребывая в роли киногероя. По М.Веберу, образцовым носителем харизмы является пророк, обладающий способностью к эмоциональной проповеди.

Публичное выступление харизматического лидера сопровождается особым, экстатическим душевным состоянием его участников, ощущением родства с выступающим, поскольку посредством слова в них якобы переходит душа харизматического лидера.

Как правило, харизма представляет собой власть экстраординарную, случайную, чуждую традициям и разуму, которая возникает во времена чрезвычайных, переходных ситуаций. Предпосылкой харизматической власти является дар убеждения, тогда как традиционная или легальная власть существует сама по себе.

Господство, в случае харизматического лидера, не зависит ни от интереса, ни от силы, ни от рационального расчета. Индивиды отказываются от своей автономии не ради выгоды или по принуждению, но чтобы идентифицировать себя с вождем во имя того, что он воплощает для каждого члена общности: героя, гения, отца.

Важным моментом для понимания харизмы является то, что она является сугубо личностным даром и не может быть передана по наследству, в отличие от авторитета (возможен авторитет традиции, социального института, но не возможна их харизма). В этом смысле харизма сродни ауры.

Понятие ауры, заимствованное из эзотерической литературы, встречается у одного из "попутчиков" "Франкфуртской школы" В.Беньямина, применившего его для определения специфики воздействия подлинного произведения искусства. Аура понимается им как "уникальное ощущение дали", существующее независимо от удаленности воспринимаемого предмета,

Такого рода недоступность, удаленность представляет собой главное качество восприятия культового изображения. Предмет, в силу своего культового значения, обладает особым горизонтом, как бы принадлежит другому уровню существования, что и диктует особенности его восприятия.

Репродуцирующая техника выводит предмет из сферы его уникального существования в безличность массового. Вырванный из всех жизненных связей и лишенный условий своей доступности, он лишается той ауры, которой обладает подлинное произведение искусства. В репродуцируемом средствами кино-фототехники образе происходит утрата подлинности первообраза, его особого онтологического статуса. Этот процесс симптоматичен, его значение выходит за пределы области искусства. Техническое воспроизведение образа человека средствами кино или телевидения, перевод его в план представления тоже приводит к утрате харизмы как уникального свойства.

“Радио и кино изменяют не только деятельность профессионального актера, но точно так же и того, кто, как носители власти, представляет в передачах и фильмах самого себя. Направление этих изменений, несмотря на различие их конкретных задач, одинаково для актера и для политика. Их цель — порождение контролируемых действий, более того, действий, которыми можно было бы подражать в определенных условиях. Возникает новый отбор, отбор перед аппаратурой, и победителем из него выходит кинозвезда и диктатор” [9]. Поскольку же средства массовой информации в силу своей природы, представляя объект вне его социального и культурного контекста, не могут создать харизматическую личность, ее место занимает “искусственная” личность.

Примером такой искусственной личности может служить современная поп-звезда. Ее функциональные возможности в качестве авторитета весьма ограничены — она может моделировать только определенные формы поведения: выбор одежды, духов, мест развлечения. Она не говорит или, более точно, она говорит, но не имеет своего голоса. Голоса, который необходим, чтобы зазвучала пророческая проповедь.

Однако не все согласны с утверждением об утрате доверия к авторитету, об изменении его положения в общественной жизни. Так, С.Московичи считает, что одним из симптомов нашего времени является культ исключительного индивида: “Он (культ. — В.Б.) смущает нас тем больше потому, что его считали испарившимся в результате критики, враждебности к любому личному авторитету и идолопоклонству. Его постоянство нас ошеломляет, порождает нервный кризис более мучительный, чем кризис ценностей” [5, с.280]. Иначе говоря, возникает вопрос: как объясняется появление таких авторитарных фигур XX века, как Гитлер, Сталин, Муссолини, как согласуется оно с общей тенденцией европейской культуры к диффузии авторитета?

В лице данных вождей мы как бы видим возвращение к тому типу трансцендентального субъекта, который утверждался в философии Декарта и Канта и для которого характерно рассматривать мир как воплощение своей субъективности, продукт своей воли. Политическим идеалом такого субъекта был монарх, чье волеизъявление, как полагал Лейбниц, более действительно, чем все методы науки и вся образованность.

Телесная составляющая авторитета, представленная в виде сакрального тела императора, поддерживалась механизмами власти, обладающими правом распоряжаться жизнью и смертью. Право “захвата”, мысль о всемогуществе и необходимости властного принуждения санкционировались моральными нормами. Смерть за царя и отчизну выступала высшей доблестью и добродетелью.

Смена типов власти, которую Фуко обозначил как переход власти от функции “взымания” к функции “контроля”, “надзора”, “умножения” и “организации” сил, сопровождалась потерей моралью права быть высшей мерой оценки человеческого поведения. Власть, центрированная вокруг тела (“био-власть”), вступление феноменов, свойственных жизни человеческого рода (например, контроль за рождаемостью), в поле политических техник оборачивается доминированием принципа удовольствия в общественной жизни. Этот принцип образует поле, в котором пересекаются эротическая и властная функции. Этот принцип становится необходимым и достаточным

основанием, делающим из современной поп-звезды, артиста, топ-модели “оракулов” общественного мнения.

Условия, в которых может быть реализован “культ исключительного индивида”, полностью определяются средствами массовой информации. Как отмечалось, средства массовой информации не могут создать харизматического лидера, потому что тело вождя как некий уникальный инструмент воздействия на массы принципиально не может быть дублировано и тиражировано средствами массовой информации. Место харизматической личности занимает искусственная личность и именно о ней следует вести речь, когда ставится вопрос о культе исключительного индивида.

По-разному современные философы и социологи описывают состояние утраты доверия к авторитету. Общим является то, что такая утрата переживается как кризис культуры, как кризис ценностей.

“Отождествление” с великими именами, — утверждает Ж.-Ф.Лиотар, — героями современной истории становится все более трудным, больше не вдохновляет стремление “догнать” Германию, что в общем-то предлагал президент Франции как цель жизни своим соотечественникам. К тому же, может ли это быть целью жизни? Такая цель остается на усмотрении каждого. Каждый предоставлен сам себе. И каждый знает, что этого “самого себя” — мало” [3, с.44].

О том же, по сути, говорит М.Хайдеггер: “Судьбою становится то, что сверхчувственный мир, идеи, Бог, нравственный закон, авторитет разума, прогресс, счастье большинства, культура, цивилизация утрачивают присущую им силу созидания и начинают ничтожествовать. Мы такое сущностное распадение всего сверхчувственного называем забытием, тлением, гниением” [10].

Жизнь без авторитета, будь то авторитет личности или авторитет разума, его отсутствие грозит человечеству “забытием”, “тлением” и “гниением”. И вместе с тем мы с опаской относимся к авторитету, не без основания думая, что великие люди — это великие бедствия.

Литература

1. *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. — М., 1996. — С.68.
2. *Фуко М.* Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине. — М., 1996.
3. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна. — СПб., 1998.
4. *Вебер М.* Социология религии // Вебер М. Избранное. Образ общества. — М., 1994. — С.103.
5. *Московичи С.* Машина, творящая богов. — М., 1998. — С.286.
6. *Фуко М.* Воля к знанию // Фуко М. Воля к истине. — С.338.
7. *Фуко М.* Что такое автор? // Фуко М. Воля к истине. — С.18.
8. *Манхейм К.* Человек и общество в эпоху преобразования // Манхейм К. Диагноз нашего времени. — М., 1994. — С.298.
9. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. — М., 1996. — С.42.
10. *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие. — М., 1993. — С.178.